

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

О. В. СИДОРОВИЧ

СЕМЕЙНЫЕ И БРАЧНЫЕ УЗЫ В ЛЕГЕНДЕ ОБ ОСНОВАНИИ РИМА

В статье анализируются сведения греческих и римских авторов о семье, в которой родился Ромул, и той, которую создал после похищения сабинянок. Греческая историческая традиция, представленная в сочинении Дионисия Галикарнасского, всегда уделяла внимание чистоте родословной основателя города, поэтому подчеркивала тесные связи деда Нумитора с его внуком Ромулом, брак Ромула с Герсильей и рождение у них детей. Римская историческая традиция, окончательно оформленная в сочинении Ливия, избегала подробно говорить об этом, так как для нее Ромул сам творил свою судьбу и это качество оставил в наследство римскому народу. В этом сказались различия культурно-исторических традиций греков и римлян.

Ключевые слова: Древний Рим, Ромул, Рем, Дионисий Галикарнасский, Тит Ливий, похищение сабинянок

Формирование легенды о Ромуле – длительный процесс, в котором отразилось развитие римской исторической традиции в целом. В создании этой легенды участвовали греки, но только римляне придали ей завершенную форму и сделали частью своей истории. С нее начиналось изложение римской истории у Фабия Пиктора¹, и у Катона Цензория². Согласно Цицерону, выражение «от начал римского народа» (*populi Romani originem*) как обозначение отправной точки исторического повествования принадлежит именно Катону, а он сам в изложении истории Рима намеревается следовать примеру мудрого старца³. Небольшой экскурс в древнейшую историю Рима во 2-й книге диалога Цицерона «О государстве» начинается с правления Ромула, а история самого Ромула – с его рождения захватывает альбанский период жизни. Именно здесь для Цицерона пролегает граница между историей и доисторией, историческими событиями и сказаниями, причем последние, не содержат никакой достоверной информации⁴. История Рима начинается для него с

---

¹ *Plut. Rom.* 3 свидетельствует о том, что Фабий заимствовал эту легенду у Диокла с Пепарефоса, но между версиями Диокла и Фабия имеются некоторые расхождения. О Фабиевой датировке основания Рима см.: *Gruen* 1992. P. 32.

² По свидетельству Дионисия Галикарнасского (1.79.4) греческая версия легенды была воспринята основателем латинской прозы М. Порцием Катоном.

³ *Cic. De rep.* 2.3: *quam ob rem, ut ille solebat, ita nunc mea repetet oratio populi Romani originem; libenter enim etiam verbo utor Catonis.*

⁴ Водораздел между сказаниями и историческими событиями – захват Ромулом Альба Лонги и убийство Амулия (*Cic. De rep.* 2.4: *iam a fabulis ad facta veniamus*). См. также: *Cic. De leg.* 1.4: *Nihil sane, nisi ne nimis diligenter inquiras in ea quae isto modo memoriae sint prodita.*

основания Города, а Ромул является исторически достоверным персонажем. Доказательство этой позиции – его рассуждения о географических преимуществах места, выбранного Ромулом для будущего города⁵.

Высменные Цицероном за скобки истории события первых лет жизни Ромула⁶, связанные с его рождением и воспитанием, представляют собой важную часть легенды об основании Рима и образуют с последующими событиями целостное повествование в сочинениях греческих и латинских авторов рубежа эр – Дионисия Галикарнасского и Тита Ливия. Начав историю своего народа от прибытия Энея в Италию, Ливий рассказывает о том, каким образом троянцы закрепились на территории, заселенной латинами. Им помог в этом брак Энея с дочерью Латина⁷, т.е. институт брака стал инструментом поддержания единства вновь созданного народа. Возможно работой над I книгой Ливий завершил свой многолетний труд по написанию истории римского народа, а это значит, что первая книга создавалась уже в эпоху правления Августа⁸. Поэтому рассказ о браке Энея можно рассматривать как отклик историка на возрождение во внутренней политике Августа семейных ценностей, основанных на брачных узах между мужчиной и женщиной как наиболее прочных и обеспечивающих стабильность в обществе. Союз Энея и дочери Латина был отмечен основанием нового города Лавиний, т.е. заключение брака обеспечило правовую основу не только новому городу, но установлению в нем идущей от Энея династии, и гарантировало организацию социальной жизни.

Но как в таком случае быть с Римом и его основателем Ромулом, ведь близнецы с самого рождения были лишены семьи, вскормлены волчицей и воспитаны то ли пастухами (*Cic. De rep.* 2.4), то ли смотрителем царских стад Фаустулом и его женой (*Liv.* 1.4.6-7) или его сожительницей Ларенцией (*Dionys.* 1.84.2-4). Во всяком случае, лишенные нормальной семейной жизни, возмужавшие близнецы вели себя как

⁵ *Cic. De rep.* 2.5-11. Рассуждения Цицерона о роли географического фактора в истории характеризуют его самого как приверженца прагматического направления в историографии, которое на римской почве было представлено Полибием.

⁶ Его брат Рем упоминается только вскользь, в связи с оставлением близнецов на берегу Тибра: *Cic. De rep.* 2.4.

⁷ *Liv.* 1.1.9. Основание Рима героем Энеем или его сыном / внуком восходит к VI в. до н.э. Версии этого события появились у греков задолго до рождения римских annalov (*Alföldi* 1965. P. 125).

⁸ Речь может идти о времени не ранее 2 г. до н.э., к которому относится написание большей части книг по республиканской истории (*Luce* 1990. P. 124). К тому же, в предисловии отразилось сходство взглядов Ливия и Августа на историю как на собрание годных для подражания exempla: *Liv. Praef.* 10: *inde tibi tuaeque rei publicae quod imitere carias* (здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать – пер. В.М. Смирин). См.: *Luce* 1990. P. 129. Словесным воплощением этих *exempla* был труд Ливия, а изобразительным – форум Августа со статуями выдающихся мужей начиная с Ромула (*Kraus, Woodman* 1997. P. 55 ff).

враждебные человеческому обществу с его упорядоченной жизнью⁹. Воспитание и жизнь вне семьи в конечном итоге сказались на неопределенном социальном статусе близнецов: понадобилось время, чтобы признать их царское происхождение¹⁰. И в дальнейшем между братьями возникает ненависть¹¹, которую можно объяснить, если следовать традиционному рассказу об отчуждении близнецов с момента рождения от матери и семьи. Поэтому, по замыслу Ливия, хаотическое течение своей жизни Ромул должен был завершить основанием города и провести в нем мероприятия, направленные на облагораживание его жителей. Первым его шагом в консолидации населения на новом месте было открытие убежища (азилия) для мужчин-беглецов. Самым простым для Ромула способом создания нового народа было бы открытие подобного же убежища и для женщин, о чем рассуждает Ливий¹², но Ромул выбрал более сложное решение этого вопроса – через похищение сабинянок¹³.

Похищение сабинянок известно уже Фабию Пиктору, который предложил датировку этого события: «на четвертом месяце после основания города»¹⁴. Последователей Фабия, которые в целом приняли основные вехи повествования и датировку события, поместив его в первый год правления Ромула, без указания имен, упоминает Дионисий Галикарнасский (2.31.1), противопоставляя анналисту Гнею Геллию, который предложил свою датировку события, а вместе с ней и свою версию рассказа. Дионисий принимает датировку Геллия (в четвертый год правления Ромула), ибо она кажется ему наиболее логичной. Далее греческий историк приводит три причины похищения девушек (нехватка женщин, повод к войне, завязывание дружбы с соседями), из которых выбирает последнюю как самую достоверную. Возможно именно Геллию, с которым Дионисий полностью солидаризируется, принадлежало это последнее объяснение. В то же время мы располагаем фрагментом из третьей книги «Анналов» Гнея Геллия, где продолжение рода

---

⁹ *Liv.* 1.5.4: inde eos collecta iuvenum manu hostilem in modum praedas agere.

¹⁰ *Liv.* 1.5.6: ...comparando et aetatem eorum et ipsam minime servilem indolem...

¹¹ Пессимизмом проникнуты рассуждения Цицерона (*De off.* 3.19, 41) о братской неприязни, хотя он пытается оправдать убийство Рема кажущейся пользой. Поскольку диалог «Об обязанностях» был написан в конце 44 г. до н.э., можно предположить, что гражданская война оказала воздействие на оценку Цицероном братоубийственной распри, с которой началась история Рима. В соперничестве Ромула и Рема отразилась разрушительная сила войны, когда граждане отказывались признавать друг друга братьями (*Bannon* 1997. P. 172-173).

¹² *Liv.* 1.9.5: ac plerisque rogitantibus dimissi ecquod feminis quoque asylum aperuissent. Об иммигрантах в мифической истории Рима см.: *Lee-Stecum* 2008. P. 69-91.

¹³ Об объединении римлян Ромула и сабинян Тита Тация см.: *Dench* 2005. P. 20-25.

¹⁴ *Plut.* *Rom.* 14.1. Поскольку днем основания Рима считали 21 апреля, то в этой фразе Фабия содержится указание на праздник Консуалии, который справлялся 21 августа. О дате основания Рима см.: *Heilen* 2007. P. 43-68.

указывается как причина похищения сабинских девушек¹⁵. Эту же причину впоследствии примет Ливий (1.9.5). Очевидно, она стала доминирующей в сочинениях римских анналистов, поскольку хорошо вписывалась в создававшуюся ими концепцию формирования римского народа.

Отрывок из сочинения Гнея Геллия позволяет говорить и о вариантах бытования легенды. Автором идеи похищения сабинянок выступает в конце II в. до н.э. не Ромул, а Марс, этой же версии придерживался и Овидий (*Fast.* 3. 197-198). У анналиста Геллия также впервые появляется Герсилия, которая в присутствии Тита Тация обращается к супруге Марса с мольбой о мире. Решающая роль женщин в установлении отношений между двумя народами, несомненно, идущая от Гнея Геллия, впоследствии закрепилась в римской исторической традиции¹⁶. Похищение сабинянок становится общим местом в анналистических сочинениях I в. до н.э., в частности о нем писал Валерий Анциат¹⁷.

Похищение сабинянок, по мнению А. Альфёльди, противоречит нормам той исторической эпохи, когда захват в плен означал порабощение похищенных¹⁸. У Ливия, напротив, женская часть сабинского племени обрела новую родину, заложив основу римского народа. Особую роль в примирении римлян Ромула и сабинян Тация он отводит Герсилии. Согласно Р. Брауну, «сабинская тема» у Ливия – построенная на историческом материале притча на тему общественной гармонии¹⁹. Поведение сабинских женщин воспринимается Ливием как воплощение политического идеала *concordia* – одного из самых дорогих его сердцу. Герсилия выступает в его сочинении как первая личность, которая своим поведением выражает понятие *concordia* как гармонию внутри гражданского коллектива. Это, конечно, справедливо, но не исчерпывает всех смысловых нагрузок данной легенды, скрывающиеся в малозаметных деталях в рамках художественно оформленного повествования.

Тит Ливий возлагает на Ромула всю ответственность за решение похитить сабинских женщин²⁰, а Дионисий передает ситуацию иначе: «Ромул возымел замысел, к которому склонился и дед его Нумитор, -

¹⁵ *Gell.* N.A. 13.23.13 = Fr.15 Peter: ... quod de tui coniugis consilio contigit, uti nos itidem integras raperent, unde liberos sibi et suis, posteros patriae pararent.

¹⁶ *Cic.* De rep. 2.13: ...cum T. Tatío rege Sabinorum foedus icit, matronis ipsis quae raptae errant orantibus. Эту же версию с указанием на роль Герсилии в примирении сторон передает Дионисий (2.45.2).

¹⁷ *Plut.* Rom. 14. Плутарх заимствует у Валерия Анциата информацию о количестве похищенных девушек (их было 527). То же число называет антиквар М. Теренций Варрон (*Dionys.* 2.47.4).

¹⁸ *Alföldi* 1965. P. 146; *Idem* 1974. S. 178-179.

¹⁹ *Brown* 1995. P. 291-319.

²⁰ Идея заполучить в жены женщин своих соседей возникла у Ромула в ходе совещания с отцами, т. е. с сенаторами. См.: *Liv.* 1.9.2: tum ex consilio partum Romulus legatos circa vicinas gentes misit qui societatem conubiumque novo populo peterent.

устроить взаимные браки всеобщим похищением девушек»²¹. Так у Ромула появляется советчик в лице его деда Нумитора, тогда как роль деда у Ливия заканчивается с восстановлением справедливости в отношении его внуков, незаслуженно лишенных домашнего очага. Впоследствии Плутарх учит версию Ливия и отметит в биографии Ромула (27.1), что его дед Нумитор скончался до основания Рима. Значит, преимущественно у латиноязычных авторов Ромул, основывая Рим, начинает свою жизнь с «чистого листа», он не отягощен прежними семейными узами и в дальнейшем сам создаст свою собственную семью. Тогда зачем кому-то из предшественников Дионисия, или ему самому, понадобилось связать личность деда Ромула Нумитора с похищением сабинянок?

Прибывшего в Рим греческого ритора, конечно же, привлекали те черты римского образа жизни, которые не были знакомы грекам. К числу таких особенностей относилась римская фамилия и место, которое занимал в ней отец семейства²². Дионисий закончил писать свое сочинение по истории римского народа в 7 г. до н.э.²³, поэтому можно предположить, что его внимание к фамилии объясняется во многом семейно-брачным законодательством Августа, первые законы которого в этой области относятся к 19 г. до н.э.²⁴ Для греческого историка Нумитор был единственным связующим звеном между той семьей, из которой происходил Ромул, и той, которую основатель Рима создаст впоследствии. Присутствие Нумитора напоминало читателю о достойном происхождении Ромула, а значит и его окружение уже не выглядит столь непривлекательным, как у Ливия²⁵. Поэтому и совет деда внуку был соответствующим: найти достойных жен из числа «дочерей своих отцов». Такие женщины будут способствовать исправлению грубых нравов обитателей Рима и обеспечат мужчин законным потомством²⁶, благодаря которому появится новая форма родства – родство по мужской линии, которое противостояло естественным узам родства по женской линии и имело правовую ценность будучи связанным с гражданским статусом и, как следствие, с возможностью получить власть²⁷. Связь Нумитора и Ромула (деда и внука) должна была стать началом оформления родства по мужской линии. На основании этого порядка осуществлялся принцип

²¹ *Dionys.* 2.30.2. Пер. И.Л. Маяк.

²² Дионисий (2.26.3-6) отмечает характерную для римской семьи власть отца над сыном, отличавшую ее от греческой семьи.

²³ *Hill* 1961. P. 88.

²⁴ *Межерицкий* 2016. С. 446.

²⁵ *Liv.* 1.8.5: *ne vana Urbis magnitudo esset ...qui obscuram atque humilem conciendo ad se multitudinem natam...*

²⁶ Ср.: *Hor.* *Carm.* 4.5.23: *...laudantur simili prole puerperae...*

²⁷ После смерти отца семейства дочери, как и их братья, становились независимыми с точки зрения права, но женское потомство не облакалось передающей властью. См.: Ульпиан (*Dig.* L.16.195.5: *mulier autem familiae suae et caput et finis est*).

непрерывного наследования не только в рамках семьи, но и государства, поскольку он управлял передачей гражданского статуса. Роль Нумитора в легенде о похищении сабинянок была делом рук, если не самого Дионисия, то его греческих предшественников, воспринимавших роль семьи в жизни римского общества как его отличительную характеристику.

Обеспечив мужское население Рима законными женами достойного происхождения, Ромул, по сохранившимся у греков деталям легенды, которые не вошли в каноническую версию римской истории, представленную сочинением Ливия, также создает свою семью. И в этом случае главная роль опять принадлежит Герсилии, правда, сохранившиеся о ней свидетельства весьма противоречивы. У Дионисия (2.45.2) она предстает как единственная среди сабинянок замужняя женщина, что позже побудило Плутарха (Rom. 14.7), знакомого с данной версией легенды, объяснить ситуацию простым недоразумением: Герсилия была захвачена по ошибке. Но Дионисий приводит и другую версию, которую считает более убедительной: Герсилия осталась в Риме добровольно, так как была похищена ее единственная дочь. Убеденность Дионисия в правильности версии, соединяющей Герсилию и ее дочь, разделяет Макробий (Sat. 1.6.16), поскольку эта версия, по его словам, восходит к знающим древность авторам (*vetustatis peritissimi*).

Существуют две самостоятельные легенды о судьбе Герсилии на новой родине. По одной из них, ее взял в жены сподвижник Ромула Гостилий, о чем повествует Дионисий (3.1.2) в связи с родословной Тулла Гостилия и вскользь упоминает Плутарх (Rom. 14). Более развернутый вариант с рядом интересных деталей присутствует у Макробия (Sat. 1.6.16): Ромул отдал Герсилию в жены какому-то Госту – добродетельному человеку (*virtute conspicuus*) из латинской земли (*ager Latinus*), который бежал под покровительство Ромула, а это значит, что Гост воспользовался Ромуловым азилом. У пары родился сын, который, как рожденный на чужбине, был назван Гостом Гостилием. Впоследствии этот мальчик стал отцом третьего римского царя Тулла Гостилия²⁸.

По другой легенде, Герсилия стала женой самого Ромула. Об этом знает Ливий (1.11.2) и Овидий (Met. 14.829-851), остается в неведении Дионисий (2.56.7), зато подробно рассказывает Плутарх (Rom. 14): Герсилия родила Ромулу дочь, названную Примой, и сына, которого Ромул назвал Аоллий (впоследствии известен под именем Авиллия). Эти сведения Плутарх почерпнул у Зенодота Трезенского, которого, по его же словам, опровергают многие историки. Из заметки Дионисия (2.49.1) становится ясно, что Зенодот интересовался этнической историей древнейшей Италии, в частности происхождением сабинян. Тогда не понятно, почему Дионисий не передает его информацию о семье Ромула.

²⁸ Dionys. 3.1.2; Plut. Rom. 18.6; Liv. 1.22.1; De vir. ill. 2.7.

В приведенном фрагменте сочинения Зенодота привлекает внимание происхождение римского родового имени: *Avillius* от греч. *Aolles* (собранный вместе), что находится в одном ряду с этимологиями таких гентилициев, как *Aemilius* от *gaimulia* (учтивость) или *Pinarius* от *peinan* (голодать)²⁹. В такого рода этимологиях чувствуется рука греческого автора. Все эти родовые имена так или иначе имеют отношение к разным эпизодам, связанным с начальной историей Рима³⁰. Это дало основание Т. Вайзмону видеть в практике включения знатных римских семей в легендарное прошлое их города желание греческих авторов угодить представителям римской аристократии³¹. Тогда в этот же ряд можно поставить и героическую женщину Герсилию как представительницу *gens Hersilia*, правда, не оставившего яркого следа в римской истории.

Как мы уже выяснили, самое раннее упоминание Герсилии встречается у Гнея Геллия, творчество которого приходится на период между 120 и 100 г. до н.э.³² У него она выступает исключительно с миротворческой миссией. Творчество Зенодота Трезенского относится приблизительно к 150 г. до н.э., но может быть и позже³³. В любом случае и Геллий, и Зенодот – современники. Кому из них принадлежит первенство? Думается, что решающим аргументом в ответе на этот вопрос может стать само имя – Герсилия – латинское по происхождению, хотя встречающееся редко. Этимологически оно восходит к глаголам *orare* (говорить) или *hortari* (призывать)³⁴, что и отразилось у латиноязычных авторов в ее роли в урегулировании отношений между римлянами и сабинянами³⁵. Как супруга Ромула, Герсилия под именем *Hora Quirini* упоминалась в молитве бессмертным богам. Эту молитву полностью приводит Авл Геллий (N.A. 13.23.2), ссылаясь на книги жрецов римского народа (*libri sacerdotum populi Romani*).

Отождествление *Hora Quirini* с Герсильей связано с апофеозом Ромула и его почитанием под именем Квирина³⁶. Храм Квирину был возведен в 293 г. до н.э. на Квиринале, вопрос только в том, когда под именем Квирина стал почитаться Ромул. Но и без этого можно сказать,

²⁹ *Plut. Numa* 8.10, *Aem. Paul.* 2.2; *Serv. Aen.* 8.270. Об этих этимологиях см. также: *Wiseman* 1983. P. 450.

³⁰ *Plut. Rom.* 2.3.

³¹ *Wiseman* 1983. P. 450.

³² *Beck, Walter* 2001. S. 347.

³³ *Wiseman* 1983. P. 448.

³⁴ *Plut. Quest. Rom.* 46. В свою очередь Варрон (L.L. 6.76) производит *oro, orare* от *ore*, что считается примером народной этимологии (*Wagenvoort* 1980. P. 197).

³⁵ Послы к другим народам назывались *oratores* (*Enn. ap. Varro* 7.41: *orator sine pace redit...*; *Paul – Fest.* 219 L: ...*oratores, qui nunc legati, quod reipublicae mandata peragerent*), включая фециалов (*Varro ap. Non.* P. 529 M: *fetiales legatos res repetitum mittebant quattuor, quos oratores vocabant*).

³⁶ *Liv.* 1.16.1-3; *Dionys.* 2.56.2; *Plut. Rom.* 27; *Ovid. Met.* 14.829-851.

что традиция о Герсилии имеет римские корни, дальнейшая же ее разработка принадлежит греческим историкам, в частности Зенодоту Трезенскому, который сочинил семейную жизнь Герсилии и Ромула. Его рассказ игнорирует Гней Геллий, хорошо знакомый с псевдоисторическими рассказами греков об Италии. Однако это не означает, что такого рода мифопоэтические рассказы не находили отклика у римской образованной публики.

По мнению Т. Вайзмана, истоки изящного рассказа Овидия о том, как Юнона позволила Герсилии последовать за мужем, который стал величать супругу Горой, следует искать среди греческих авторов конца II или I в. до н.э. таких, как Бутас, Симил, Кастор Родосский, имевших повышенный интерес к римским легендам³⁷. Среди них следует поместить и Зенодота Трезенского, а время их творчества (начиная с последней четверти II в. до н.э.) можно рассматривать как зарождение представлений об апофеозе Ромула и его почитании под именем Квирина. Кстати, именно у греков был также в ходу рассказ о том, что супругой Ромула была дочь Тация Тарпея, хотя и против своей воли. Автором его был Антигон³⁸, который изложил раннюю историю Рима³⁹. Дионисий помещает его в перечне своих источников между Тимеем Сицилийским и Полибием, а это значит, что в греческой интеллектуальной среде довольно рано начали создаваться рассказы о семье Ромула, и Герсилия в них была отнюдь не единственной претенденткой на супружество с Ромулом.

Таким образом, на примере семейно-брачных мотивов в легенде об основании Рима мы видим различия между версиями римской исторической традиции и вариациями на эту тему у греческих авторов. Ливию, по большому счету, не нужен был ни дед Ромула, ни его жена. В этом и отразилось уникальное положение Рима среди других городов: его сила основана не на унаследованной царской крови и прочных семейных связях – последним шагом к их окончательному разрушению стало убийство Рема⁴⁰. Ромул – сам творец своей судьбы, и это то каче-

³⁷ Wiseman 1983. P. 450. Об этих греческих авторах см.: *Plut. Rom.* 17.6, 21.8; *Arnob. Adv. nat.* 5.18.

³⁸ *Plut. Rom.* 17.5.

³⁹ *Dionys.* 1.6.1.

⁴⁰ О смерти Рема писал уже Энний (*Ann.* 47-50 Sk.), оправдав братоубийство в интересах Рима. Цицерон (*de off.* 3.41) не принимает безоговорочно такое объяснение. Впоследствии Ливий (1.7.2) привел две версии убийства Рема, отражающие изменение взглядов в римском обществе на это событие. Одна из версий, существовавшая к этому времени в анналистической традиции (*Dionys.* 1.87.4), изображает Рема провокатором. Эту версию поддерживает Овидий (*Fast.* 2.371-378; 4.841-849). О причинах появления мотива братоубийства в легенде об основании Рима см.: Wiseman 1995. P.117-125.

ство, которое он оставит в наследство «своим детям» – всему римскому народу. А вот создание римского народа стало возможным благодаря похищению сабинянок.

Этот эпизод, конечно, должен был показать ценность брачных уз в формировании идентичности римского народа. Но не только. Думается, что «похищение сабинянок» имело для Ливия более глубокую смысловую нагрузку. В заключении браков храбрых, но лишенных родства и потому оторванных от своего прошлого мужчин, с девушками, знавшими и чтившими свое происхождение, отражен момент рождения *pietas* как основной ценностной категории римского гражданства. Ведь *pietas* не существовала вне семейных уз и трактовалась римлянами довольно широко: как исполнение долга по отношению к старшим в семье, гражданскому коллективу и к миру богов⁴¹.

Греков интересовали другие аспекты легенд об основании городов – их любимого историографического жанра. Они уделяли внимание божественному происхождению основателя, чистоте его родословной, подкреплявшейся прочными семейными узами, идущими от деда к внуку, а от него – к его потомству. В таком подходе сказалось различие культурно-исторических традиций греков и римлян.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Межеричкий Я.Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016 [*Mezheritskiy J.Y.* “Vosstanovlennaya respublica” imperatora Avgusta. M., 2016.]
- Alfoldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965.
- Alfoldi A.* Die Struktur des voretruskischen Römerstaates. Heidelberg, 1974.
- Bannon C.J.* The Brothers of Romulus: Fraternal pietas in the Roman Law, Literature, and Society. Princeton, 1997.
- Beck H., Walter U.* (Herg.) Die frühen römischen Historiker. Bd. I. Stuttgart, 2001.
- Brown R.* Livy's Sabine Women and the Ideal of Concordia // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1995. V.125.
- Dench E.* Romulus' Asylum: Roman Identities from the Age of Alexander to the Age of Hadrian. Cambridge, 2005.
- Gruen E.S.* Culture and National Identity in Republican Rome. N.Y., 1992.
- Heilen St.* Ancient Scholars on the Horoscope of Rome // Culture and Cosmos. 2007. V. 11. No 1-2.
- Hill H.* Dionysius of Halicarnassus and the Origins of Rome // Journal of Roman Studies. 1961. V. 51.
- Kraus C.S., Woodman A.J.* Latin Historians. Oxf., 1997.
- Lee-Stecum P.* Roman *refugium*: Refugee Narratives in Augustan Versions of Roman Prehistory // *Hermathena*. A Trinity College Dublin Review. 2008. No 184.
- Luce T.J.* Livy, Augustus, and the Forum Augustum // Between Republic and Empire. Interpretations of Augustus and his Principate / Ed. K.A. Raaflaub, M. Toher. Oxf., 1990.
- Wagenvoort H.* Pietas. Selected Studies in Roman Religion. Leiden, 1980.
- Wiseman T.P.* The Wife and Children of Romulus // Classical Quarterly. 1983. V. 33.
- Wiseman T.P.* Remus: A Roman Myth. Cambridge, 1995.

---

⁴¹ *Wagenvoort* 1980. P. 7.

Сидорович Ольга Витальдовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира, Институт классического Востока и античности, НИУ «Высшая школа экономики»; varro52@mail.ru

Marriage and family bonding in the Roman foundation tale

The paper deals with Greek and Roman historical tradition on Romulus's family, the former, where Romulus was born, and the latter, which he created as a result of the rape of the Sabine women. The Greek authors, represented in Dionysius of Halicarnassus, reported about the family tree of the city founder, emphasized close relations between Numitor and Romulus, and wrote about the marriage of Romulus and Hersilia and the birth of their children. The Roman authors, as they are known from Livy, made casual remarks of such episodes of Romulus's life, as they interpreted Romulus as the arbiter of his own destiny, and this was the way he set a personal example for the Romans. Such approach to the Romulus's legend reveals different cultural and historical grounds of Greek and Roman historiography.

Keywords: Ancient Rome, Romulus, Remus, Dionysius of Halicarnassus, Livy, the rape of the Sabine women

Olga Sidorovich, Dr Sc. (History), Professor, Department of Ancient History, Institute of classical Orient and Antiquity, National Research University "Higher School of Economics"; varro52@mail.ru